

Станислав ЛЮБШИН: Моя судьба — Чехов и Володин

На этой неделе на Малой сцене МХАТа состоится премьера спектакля «Ю» по пьесе Ольги Мухиной. В главной роли — Станислав Любшин. Журналистов Любшин избегает, исключение сделано лишь для «Известий».

— Станислав Андреевич, чем для вас интересен «Ю»?

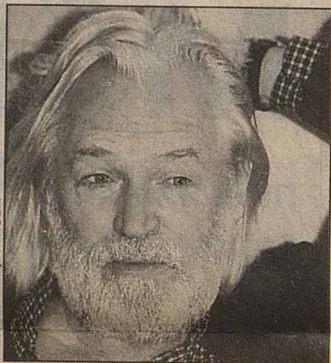
— Ой, пока говорить не хочу. Я человек суеверный. Сначала, когда мы прочитали пьесу, просто ничего не поняли. Потом задумались и стало страшно интересно. Работа с молодым режиссером Евгением Каменьковичем сложна и непредсказуема. Но, по-моему, получилась вполне интересная, глубокая вещь.

— Как вы чувствуете себя в нынешнем МХАТе?

— К нам приходят новые режиссеры, новые лица. Именно лица, а не серая безликость. Это отраднo. Надеюсь, новое не отрицет старых завоеваний. Пока вроде бы симптомов противоречий нет. Хочется серьезной драматургии: и классической, и современной. Помните, как Володин говорит: «У меня в 17 лет все было впереди, и теперь все впереди».

— Ваши отношения с Володиным — тоже сюжет для пьесы.

— Еще для какой! Володин — моя судьба. Все началось с «Пяти вечеров». Вы знаете, в те годы, когда ставилась эта пьеса, в «Современнике» была демократическая обстановка. Демократия заключалась в том, что молодые актеры, приходившие в театр, могли писать заявки на любые роли. Я написал заявки аж на семь ролей. И вот как-то дирекция перепутала — назначила сразу два спектакля с одним артистом в один день, одновременно. И мне предложили войти в «Пять вечеров». Я за-

УКАТЕРИНА ЦВЕТКОВА

помнил все роли, все сцены, все выходы. И сыграл. Репетировать, конечно, было некогда, но за три часа до спектакля меня отвезли домой к Ефремову, он лежал больной плевритом, совершенно потерявший голос. И вот я говорю монолог, а он только поднимает и опускает палец в местах, где я должен останавливаться для его реплик. А вечером он играл, и я поражаюсь тому, что вся болезнь ушла напрочь. Именно после володинских «Пяти вечеров» у меня началась другая жизнь: новые роли в театре и кино... Когда Галина Волчек стала делать новый спектакль «Пять вечеров», Володин приезжал смотреть. Благодаря Володину я поверил в себя. Вечно смущенный, вечно недовольный собой, он уже много лет является для меня ориентиром, камертоном, что ли.

(Окончание на 8-й стр.)

Мухомов. — 2001. — 17 сент. — с. 1, 8

Станислав ЛЮБШИН:

Моя судьба — Чехов и Володин

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Потом был еще фильм «Пять вечеров»?

— Да, почти двадцать лет спустя Михалков сделал мне такой подарок. И опять Володин был на съемках. Он говорил: «Как из такой пьески, маленькой и пустой, вы делаете гениальный фильм». Он был абсолютно искренен. Он действительно считал, что «Пять вечеров» создаем мы, а не он.

— Вас в кино знают как чеховского героя, между тем в театре у Ефремова вы играли, кажется, только Вершинина.

— Еще я играл Гаева. Так складывалась жизнь в театре, таким был репертуар. Олег Ефремов как-то не видел меня среди чеховских персонажей. Есть разные драматурги. Чехов и Володин — это высокие горы, которые позволяют актеру добраться

до пика. Но исполнить это «позволение» удается далеко не всегда. Чехов, как и Володин, моя судьба. Уже потом для меня открылся Вампилов.

— Что общего между Чеховым и Володиным?

— Мне кажется, что их герои гораздо больше думают и чувствуют, чем говорят. Они существуют в жизни так, как умеют. И проживают радость и горечь искренне. Я понимаю дискомфорт чеховских и володинских героев, живущих в предложенных действительностью обстоятельствах.

— К вопросу об обстоятельствах процитирую Александра Володина: «На разные беды полжизни, а где же полжизни на смех?»

— Отвечу Володиным же: «Чем старше человек, тем он оптимистичнее смотрит на жизнь». Гениально сказано! Это обязанность артиста — черпать из бед и

из смеха материал для работы. Меняется жизнь, меняются характеры, а профессия остается.

— А сейчас как меняются характеры?

— Они становятся жестче, даже, может быть, бескомпромисснее. То время, при всей его жесткости, было мягче. Был в хорошем смысле коллективизм. Я, конечно, имею в виду не партийность, а компанейскость. Теперь все в одиночку. Это горько. А актеры через характеры говорят о времени. Так будет и в пьесе Мухиной «Ю».

— Помимо театра есть и кино. Над чем вы сейчас работаете?

— Иван Дыховичный снимает, как мне кажется, хороший фильм — «Обнаженная натура». Речь идет о художнике, который пытается найти себя в жизни. Пытается покончить с собой. Я снимался в настоящей больнице, там была очень тяжелая сце-

на в реанимации. Когда отсняли, мы вышли с врачами в больничный дворик, хотели выпить по рюмочке, и вдруг они сорвались с места: привезли настоящего больного. А на этой койке только что был я... Тяжело. Пришел домой, включил телевизор — идет фильм Дыховичного «Черный монах». Я давно его не смо-

трел, уж лет десять — оказалось, к месту.

— Коль мы заговорили о рюмке, что вы думаете о «Записках нетрезвого человека» Володиной?

— То же самое, что и он: нетрезвость — это не количество выпитого, а состояние души.

Юлия КАНТОР,
Санкт-Петербург

Александр ВОЛОДИН:

— Я познакомился со Славой Любшиным много лет назад. Меня всегда поражали и восхищали его глаза. Он говорил и говорит ими больше, чем текстом. Помню потрясающий эпизод в фильме Михалкова «Пять вечеров». Там герой, оставшись совсем один, в какой-то столовой пьет горькую, а потом начинает петь: «Не для меня придет весна и в небе жаворонок взвывается». Для меня эта сцена автобиографична: как-то, облепленный черными мыслями, я вот так же один сидел со стаканом и мурлыкал песенку, но никак не мог вспомнить слова, и такая тоска была... А Любшин, не зная про меня, все это понял. Он вообще все понимает. Отсюда и его прекрасный Чехов. Тонкий, интеллигентный. Он весь какой-то негромкий. Но потому-то Любшина и слышно в любом нагромождении голосов.

ли с одним артистом в один день, одновременно. И мне предложили войти в «Пять вечеров». Я за-

(Окончание на 8-й стр.)